

УДК 811.112.2'42

**ВЕРБАЛЬНЫЕ ТАБУ И МОЛЧАНИЕ:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ****Елена БЕЛОЗЕРОВА (Харьков, Украина)****e-mail: byelozorova@yahoo.com****БЕЛОЗЕРОВА Елена. ВЕРБАЛЬНИ ТАБУ ТА МОВЧАННЯ: ПРАГМАЛІНГВІСТИЧНИЙ АНАЛІЗ**

Стаття розв'язує наукову проблему визначення вербальних табу як специфічних лінгвокультурних концептів, які не передбачають експліцитну вербалізацію в дискурсі, та висвітлює специфіку їх актуалізації в імпліцитних мовленнєвих актах на ґрунті нульової пропозиції або через апосіопезу. Описано основні когнітивні операції, які мають місце в реалізації мовленнєвих актів натякання, за допомогою яких вербальні табу актуалізуються в сучасному німецькомовному діалогічному повсякденному дискурсі. Окреслено низку вербальних табу, які є центральними для сучасної німецькомовної лінгвокультури.

Ключові слова: дискурс, концепт, імпліцитний мовленнєвий акт, когнітивна операція, пропозиція, табу.

BYELOZYOROVA Olena. VERBAL TABOOS AND SILENCE: PRAGMALINGUISTIC ANALYSIS

While this paper deals with the taboo phenomenon and provides an overview of the relevant theorizing, the focus of the results achieved in the research is upon verbal taboos and their linguistic overcoming. The research will refer to non-verbal and verbal taboos and distinction between them. Traditionally, each culture has its own taboos and thus its own strategies to overcome them. The German language has also found certain forms of such an overcoming when dealing with verbal taboos. The research outlines verbal taboos in modern German everyday dialogical discourse and defines them as specific linguocultural concepts that do not normally suppose explicit verbalization in discourse. In addition, the paper describes their actualization in implicit speech acts based on zero explicit proposition or via aposiopesis. Such implicit speech acts are hints that help to overcome verbal taboos. Using the postulates of Ronald Langacker's Cognitive Grammar, the paper examines cognitive operations working in speech act of hinting which overcome verbal taboos in modern German everyday dialogical discourse. These cognitive operations include prominence and focusing. In particular, the research deals with concepts that are considered central among verbal taboos in modern German linguistic culture – they are SEXUALITY and DEATH.

Keywords: discourse, concept, implicit speech act, cognitive operation, proposition, taboo.

«Табу нужны
для защиты «ахиллесовой пяты»
общества» [6, с.73].

Изначально овеянное аурой сакральности и магии экзотическое полинезийское понятие «та пу/табу», заполнившее «вакуум реально существующей лексической лакуны» в языке западных цивилизаций [2, с. 141], знакомством с которым в конце 18 века Европа обязана Джеймсу Куку, не теряет своей **актуальности** и как объект современных научных изысканий, поддаваясь постоянному переосмыслению в религиоведении, психоанализе, культурологии, истории, литературоведении и лингвистике [1; 3; 4; 5; 7; 9; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 18]. Данное понятие, трактуемое сперва как основанный на страхе перед божественной карой запрет и «анти-норма», претерпело «секуляризацию» [2, с.141-144], избавившись в конечном итоге от патины действия карающих за совершение определенных поступков демонических сил.

Конкретики пониманию сути феномена табу добавило разграничение вербальных и невербальных табу. Невербальные табу, именуемые также как деятельностьные табу (*Tattabus, Handlungstabus, non-verbale Tabus*), понимаются как элемент «социального кодекса конкретного общества, предписывающий, какие действия и какие формы поведения не подлежат реализации» [18, с. 25]. К категории вербальных табу (*Sprachtabus, verbale Tabus*) принадлежат как спектр тем, которые следует либо избегать, либо обсуждать лишь в соответствии с правилами этикета, так и определенные языковые единицы, которые либо не должны употребляться в речи вообще, либо быть заменены приемлемыми благозвучными (эвфемизмами) [15, с. 310]. Следует, однако, заметить, что с позиций прагмалингвистики такое разделение табу на речевые и деятельностьные не лишено некоторой размытости и алогичности, учитывая современное понимание речи как собственно деятельности (*Sprache als Handeln*) [8]. Принимая во внимание этот факт, мы останавливаем свой выбор на термине «вербальные табу», трактуя их как специфические лингвокультурные концепты, не предполагающие эксплицитную вербалізацію в дискурсе. Определение прагмалингвистических особенностей актуализации таких концептов в современном немецкоязычном бытовом диалогическом дискурсе, а также выделение табу, центральных для современной немецкоязычной культуры, входит в **задачи** данного исследования.

Материал для изучения представлен фрагментами художественных текстов немецкоязычных авторов XX–XXI ст., иллюстрирующих реализацию в современном немецкоязычном бытовом диалогическом дискурсе имплицитных речевых актов с нулевой

эксплицитной пропозицией и на основе апосиопезиса, посредством которых осуществляется актуализация вербальных табу. Указанные имплицитные речевые акты являются актами намека, и они выступают **объектом** анализа на **предмет** определения их прагмалингвистических свойств путем анализа основных когнитивных операций, имеющих место в данных имплицитных речевых актах.

Уход от эксплицитной вербализации табу в современном немецкоязычном диалогическом дискурсе осуществляется либо путем уклонения от актуализации данных концептов в дискурсе в принципе: молчание как не-говорение на определенную, табуированную, тему (*Schweigen als Nicht-Sagen, Nicht-zur-Sprache-Bringen*) [17, с. 137], – либо посредством реализации имплицитных речевых актов, в частности речевого акта намека, характеризующегося наличием эксплицитной и имплицитной пропозиции и позволяющим благодаря этому изъясняться на табуированные темы в завуалированной форме, не нарушая нормы той или иной лингвокультуры:

Jorisch: Wie geht es Ihrer Frau?

Rott: Gut.

Jorisch: Und Ihrer Tochter?

Rott: Nicht so gut. Die hat sich bei einer Party einen Katzenjammer geholt, von dem der Arzt gesagt hat, daß sie ihn erst nach neun Monaten loswerden wird.

<...> Meine Tochter ist schwanger.

Jorisch: Ich verstehe. Dann wird sie doch bald heiraten?[23, с. 48]

Речевой акт намека представляет собой дискурсивно-речевое взаимодействие говорящего и адресата, в ходе которого ими конструируется интендируемая говорящим имплицитная пропозиция – намек. Критериальными свойствами данного типа имплицитного речевого акта выступают обязательная реализация имплицитной пропозиции и интендируемость, поскольку в ситуации намека у говорящего всегда есть дополнительная перлокутивная цель – воздействовать на адресата таким образом, чтобы тот «вывел» намек. В вышеуказанном примере намека говорящий выбирает непрямой способ передачи информации – сообщения о беременности дочери –, прибегая к помощи намека. Адресат на основе эксплицитной пропозиции без труда выводит интендируемую адресантом импликацию, о чем свидетельствует его реактивная реплика.

В случае актуализации вербальных табу в дискурсе имплицитный речевой акт может быть также проявлением так называемого «коммуникативно значимого молчания» [17, с.137], представленным в двух основных формах: как имплицитный речевой акт с нулевой эксплицитной пропозицией и как имплицитный речевой акт-апосиопезис, один из аргументов эксплицитной пропозиции которого намеренно опускается говорящим. Приведенный ниже фрагмент наглядно иллюстрирует такое «коммуникативно значимое молчание», когда говорящая не решается, например, задать напрямую интересующий ее вопрос, ввиду того, что расставание с партнером является табуированной темой в диалоге с адресатом:

„Wann hast du Albert gesehen?“

„Ach, letzte Woche, er hat mich angerufen und hat mir seine neue Telefonnummer gegeben. Er soll jetzt eine sehr, sehr hübsche Wohnung haben.“ Dann schwieg Sieglinde bedeutungsvoll. <...> Warum willst du nicht mit ihm zusammen sein?

„Hast du sonst noch Probleme?“ fragte ich [20, с. 254].

О том, что вопрос отношений с бывшим партнером для адресата остается табу, свидетельствует тот факт, что даже правильно выведя имплицитную пропозицию, адресат уклоняется от прямого ответа, сменив тему.

Представляя собой имплицитный речевой акт с нулевой эксплицитной пропозицией, коммуникативно значимое молчание позволяет успешно обходить табуированные темы, например, сексуальную связь, порой будучи вовлеченным в цепочку имплицитных речевых актов с наличием и имплицитной, и эксплицитной пропозиций:

Anna schweigt noch immer, ich schweige sie an, und irgendwann durchbricht sie das Schweigen, indem sie einen Satz sagt, der nur halb so bedeutungsschwanger ist, wie das lange

Schweigen hätte vermuten lassen: „Nur Kamillentee ist im Angebot.“ <...> Ich kann nicht mit dir schlafen [21, с.190].

К феномену такого молчания относятся и апосиопезисные намеки, когда в речевом акте говорящий намеренно опускает фрагмент эксплицитной пропозиции, предоставляя адресату возможность ее реконструкции:

„Frau Haubendorf: Stimmt es, wie man mir erzählt hat, dass Sie und Herr Hackner mehr als nur ein kollegiales Verhältnis hatten? Dass Sie ein...“ Merana begann zu stottern. <...> Dass Sie eine Affäre hatten?

Herrgott noch einmal, fluchte er innerlich. Warum fällt es mir so schwer, zu sagen: Haben Sie mit Hackner geschlafen? Waren Sie dabei, ihn zu betrügen? Hat er Ihnen deswegen eine geknallt?

Was war es schon dabei, die Dinge einfach beim Namen zu nennen? Aber er brachte die Worte nicht über seine Lippen [19, с. 205-206].

Для более глубокого понимания особенностей дискурсивной реализации таких имплицитных речевых актов представляется возможным задействовать постулаты когнитивной грамматики Рональда Ленекера, в частности описанные им основные когнитивные операции высвечивания (профилирования), фокусирования, спецификации и перспективизации [12, с. 5-12]. Для апосиопезисных намеков особую релевантность имеют первые две операции. Описывая суть языкового знака, Р.Ленекер оперирует понятиями концептуальной базы и профиля, понимая под концептуальной базой весь объем информации, активируемый знаком, под профилем – часть базы, формирующую само значение конкретного языкового знака. Подобно тому как концепт прямоугольного треугольника (база) профилирует «гипотенузу», концепт глаза профилирует «зрачок» и т.п., так и в речевом акте намекания базой выступает весь акт в совокупности эксплицитной и имплицитной пропозиции и эксплицитной и имплицитной иллокуции, профилируя имплицитную пропозицию – собственно, намек. Как указанный отрезок вне прямоугольника не может быть гипотенузой, а отверстие вне глаза не может быть зрачком, так и имплицитная пропозиция вне базы не является намеком.

С профилированием/высвечиванием напрямую связана еще одна когнитивная операция – фокусирование. Высвеченным выступает все, что выделено вниманием. В речевом акте намекания это когнитивное выделение подструктур предикации. Апосиопезисный речевой акт намекания, таким образом, предполагает фокусирование на неконвенциональной эллиптической имплицитной конструкции:

„Was hat er denn so Schlimmes getan?“, versuchte Miriam Lilly eines Abends gut zuzureden, als Gianni zu Besuch gekommen war und Lilly sich sofort zurückgezogen hatte.

„Er hat mich wochenlang auf ein Lebenszeichen warten lassen und dann so getan, als wär gar nichts passiert...“

„Aber was ist denn passiert? Habt ihr vielleicht...?“ <...> Habt ihr Sex gehabt?

„Nein, haben wir nicht! Ich weiß ja nicht einmal, ob er das will...“

„Also, so wie du dich grad benimmst, wird er das sicher nicht wollen...“

„Was soll ich denn machen? Ich denk dauernd an ihn und er spielt Jo-Jo. Einmal ja, einmal nein... Das macht mich fertig!“ [22, с.101]

Анализ эмпирического материала показывает, что в современном немецком бытовом диалогическом дискурсе центральными вербальными табу выступают концепты SEXUALITÄT (пример 1) и TOD (пример 2):

(1) *Gottfried lachte. „Man kann nicht immer nur Lehm kneten.“*

„Hast du mit deiner Frau...?“ <...> Hast du mit deiner Frau geschlafen?

„Doch nicht mit Inge! <...> Natürlich mal ein kleiner Urlaubsflirt...<...>

Aha, sie hatten also nicht miteinander geschlafen. Sehr gut. [20, с. 364]

(2) *Deborah Jادلinski unterbrach ihre Massage. „Ich habe sie heute Morgen auf dem Handy angerufen. Aber sie hat nicht abgehoben. Hoffentlich...“ Sie sprach den Satz nicht zu Ende.*

<...> Hoffentlich wurde sie nicht umgebracht. [19, с. 89]

Результаты статистических подсчетов свидетельствуют о более высокой частотности речевых актов намекания на основе нулевой эксплицитной пропозиции и намеков-апосиопезисов, актуализирующих концепт SEXUALITÄT (69 % всех проанализированных

речевых актов данного типа), по сравнению с концептом TOD (21%), и лишь 10% актуализируют иные табу вроде GELD, GEWALT, KRANKHEIT и др.

Успешность указанных речевых актов обеспечивается также наличием невербальных триггеров (кинестических, просодических и проксемических) импликатур, как видно из нижеприведенного фрагмента:

Dann schiebt sie die Zettel auseinander, die vor ihr liegen, zieht eine schwarze Folie hervor und reicht sie mir.

„Was ist das?“, frage ich.

„Das ist doch eindeutig, oder?“

Ich halte die Folie gegen das Kerzenlicht, und ich sehe einen Ultraschallausdruck, ein schwarzes Bild, auf dem einige weiße Umrisse zu erkennen sind. Es ist zum ersten Mal, dass ich ein solches Bild in Wirklichkeit sehe. Aus dem Fernsehen kenne ich das, diese Ultraschallaufnahmen, die eine Chiffre sind wie kaum etwas anderes. Sie sind eine Chiffre für größte Freude – endlich ein Kind! Aber sie sind auch die Chiffre für größten Kummer – o Gott, ich bin schwanger!

Ich lege die Folie auf den Tisch zurück.

Sie nickt mir zu.

„Es gibt Menschen, die nutzen ihre Freiheit, so wie du das mit Freiheit gemeint haben könntest.“ <...>Ich habe mir eine Abtreibung machen lassen.

Sie schaut mich plötzlich nicht mehr an. Sie schaut an mir vorbei, schaut zur Tür hinaus, die zum Flur führt, auf dessen anderer Seite das hell erleuchtete Zimmer mit dem Bullauge liegt.

Ich schaue sie fragend an. <...>Hast du dir eine Abtreibung machen lassen?

„Ja“, sagt sie sofort und macht eine Pause. „Ja“, setzt sie wieder an, „und ich bereue es zutiefst.“ [21, c. 192-193]

Вопрошающий взгляд говорящего, которым сопровождается молчание, побуждает адресата правильно вывести импликатуру – вопрос о том, сделала ли она искусственное прерывание беременности.

Данное исследование позволяет сделать **вывод** о высокой коммуникативной релевантности речевых актов намека как на основе нулевой эксплицитной пропозиции, так и апосиопезисных, для актуализации в современном немецкоязычном бытовом диалогическом дискурсе вербальных табу, в первую очередь табу SEXUALITÄT и TOD. К **перспективам** относим анализ гендерной специфики актуализации данных вербальных табу в немецкоязычном дискурсе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Allan K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language / K. Allan, K. Burrige. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 303 p.
2. Betz, W. (1978) Tabu – Wörter und Wandel / W. Betz // Meyers Enzyklopädisches Lexikon. – Bd. 23. – Mannheim, 1978. – S. 141-144.
3. Calderón M. Let's Talk About (Texts About) Sex. Sexualität und Sprache. Sex and Language / M. Calderón, G. Marko (Hg.). – Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2012. – 362 S.
4. Calderón M. Werbekommunikativer Umgang mit Tabus / M. Calderón // Sprachökologie und Ökoinguistik. Hrsg. v. A. Fill. – Tübingen: Stauffenburg, 1996. – S. 231-246.
5. Crombach M. Euphemismus und Tabu. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg / M. Crombach. – Salzburg: Universität Salzburg, Institut für Sprachwissenschaft, 2001. – 342 S.
6. Dahrendorf, R. (1960) Homo sociologicus: Ein Versuch zu Geschichte. Deutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle, 2nd. edn. Köln: Westdeutscher Verlag. – 85 S.
7. Duca L. Das Tabu in der Erotik. Eros im Konflikt mit der Gesellschaft / L. Duca (Hg.). – Basel: Kurt Deich, 1967. – 399 S.
8. Ehlich, K. Sprache und sprachliches Handeln. In 3 Bänden / K. Ehlich. – Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2007. – 1688 S.
9. Fallwicl M. Der Witz als Tabubruch. Eine linguistische Untersuchung zum Witz im Sinnbezirk der Sexualität / M. Fallwicl. – Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2009. – 148 S.
10. Freitas E. S. L. Taboos in Advertising / E.S.L. Freitas // Pragmatics & Beyond New Series ed. by A.H. Jucker. – Vol. 179. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – 214 p.
11. Janz R.-P. Zum Tabu des Antisemitismus. Die Kontroversen um Martin Walser und Günter Grass / R.-P. Janz // ZiG 7. – 2016. – Heft 1. – S. 47-60.
12. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.

13. Pelinka A. Das große Tabu. Österreichs Umgang mit seiner Vergangenheit / A. Pelinka, E. Weinzierl (Hg.). – Innsbruck/Wien: Edition S, 1987. – 197 S.
14. Schlich J. Inzest und Tabu. Ingeborg Bachmanns „Malina“ gelesen nach den Regeln der Kunst / J. Schlich. – Sulzbach/Taunus: Ulrike Helmer, 2009. – 271 S.
15. Schröder H. Tabu // H.Schröder // Wierlacher A., Bogner A. Handbuch Interkulturelle Germanistik. – Stuttgart/Weimar: Metzler, 2003. – S. 307-315.
16. Sze F. Taboos and euphemisms in sex-related signs in Asian sign languages / F. Sze, M. Xiao Wei, A. Yiu Leung Wong // Linguistics. – 2017. – 55 (1), p. 153-205.
17. Ullsamer F. Schweigen – mehr als ein funktionelles Gegenstück zum Sprechen. Überlegungen zu Funktionen des kommunikativen Schweigens / F. Ullsamer // Wirkendes Wort. 53 Jahrgang. – April 2003. – Heft 1. – Trier: Wissenschaftlicher Verlag. – S.125-140.
18. Zöllner, N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen / N.Zöllner. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. – 444 S.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

19. Baumann, M. (2010). Jedermanntod. Ein Salzburg-Krimi / M. Baumann. – Meßkirch: Gmeiner.
20. Heller, E. (1999). Beim nächsten Mann wird alles anders / E. Heller. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag.
21. Lind, H. (1997). Das Weibernet. Die Frau in der Gesellschaft / H.Lind. – Frankfurt-am-Main: Fischer.
22. Scholl, S. (2016). Warten auf Gianni. Eine Liebesgeschichte in sieben Jahren / S. Scholl. – Salzburg/Wien: Residenz Verlag.
23. Wiener, H. (1993). Lernen Sie Englisch // H. Wiener. Das kann nur mir passieren. Satiren. – Ungekürzte Ausg., 3. Aufl. – Frankfurt-am-Main/Berlin: Ullstein.

REFERENCES

1. Allan K., Burrige K. (2007) Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Betz, W. (1978) Tabu – Wörter und Wandel // Meyers Enzyklopädisches Lexikon, Bd. 23. Mannheim.
3. Calderón, M., Marko, G. (2012) Let's Talk About (Texts About) Sex. Sexualität und Sprache. Sex and Language. Frankfurt-am-Main: Peter Lang.
4. Calderón, M. (1996) Werbekommunikativer Umgang mit Tabus // Fill A. Sprachökologie und Ökoinquistik. Tübingen: Stauffenburg.
5. Crombach, M. (2001) Euphemismus und Tabu. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg. Salzburg: Universität Salzburg, Institut für Sprachwissenschaft, 2001.
6. Dahrendorf, R. (1960) Homo sociologicus: Ein Versuch zu Geschichte. Deutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle, 2nd. edn. Köln: Westdeutscher Verlag.
7. Duca, L. (1967) Das Tabu in der Erotik. Eros im Konflikt mit der Gesellschaft. Basel: Kurt Deich.
8. Ehlich, K. (2007) Sprache und sprachliches Handeln. In 3 Bänden. Berlin/New York: Walter de Gruyter.
9. Fallwickl, M. (2009) Der Witz als Tabubruch. Eine linguistische Untersuchung zum Witz im Sinnbezirk der Sexualität. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2009.
10. Freitas, E. S. L. et.al. (2008) Taboos in Advertising. Vol. 179. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
11. Janz, R.-P. (2016) Zum Tabu des Antisemitismus. Die Kontroversen um Martin Walser und Günter Grass. ZiG 7. Heft 1.
12. Langacker, R.W. (1990) Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1990.
13. Pelinka, A., Weinzierl, E. (1987). Das große Tabu. Österreichs Umgang mit seiner Vergangenheit. Innsbruck/Wien: Edition S, 1987.
14. Schlich, J. (2009) Inzest und Tabu. Ingeborg Bachmanns „Malina“ gelesen nach den Regeln der Kunst. Sulzbach/Taunus: Ulrike Helmer.
15. Schröder, H. (2003) Tabu // Wierlacher A., Bogner A. (Hg.) Handbuch Interkulturelle Germanistik. Stuttgart/Weimar.
16. Sze, F. et.al. (2017) Taboos and euphemisms in sex-related signs in Asian sign languages // Linguistics. 2017. 55 (1).
17. Ullsamer, F. (2003) Schweigen – mehr als ein funktionelles Gegenstück zum Sprechen. Überlegungen zu Funktionen des kommunikativen Schweigens. // Wirkendes Wort. 53 Jahrgang. Heft 1. Trier: Wissenschaftlicher Verlag.
18. Zöllner, N. (1997) Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen, Frankfurt-am-Main: Peter Lang.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

19. Baumann, M. (2010). Jedermanntod. Ein Salzburg-Krimi / M. Baumann. – Meßkirch: Gmeiner. [in German].
20. Heller, E. (1999). Beim nächsten Mann wird alles anders / E. Heller. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag. [in German].
21. Lind, H. (1997). Das Weibernet. Die Frau in der Gesellschaft / H.Lind. – Frankfurt-am-Main: Fischer. [in German].
22. Scholl, S. (2016). Warten auf Gianni. Eine Liebesgeschichte in sieben Jahren / S. Scholl. – Salzburg/Wien: Residenz Verlag. [in German].

23. Wiener, H. (1993). Lernen Sie Englisch // H. Wiener. Das kann nur mir passieren. Satiren. – Ungekürzte Ausg., 3. Aufl. – Frankfurt-am-Main/Berlin: Ullstein. [in German].

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олена Белозьорова – кандидат філологічних наук, доцент, доцент кафедри німецької та французької мов Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна.

Наукові інтереси: когнітивна та прагмалінгвістика.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olena Byelozyorova – Ph.D. in Philology, Docent, Associate Professor of the German and French Department at V.N. Karazin Kharkiv National University.

Scientific interests: cognitive and pragmalinguistics.

УДК 811. 112. 2 272 367.627 42

**КОНЦЕПТ «ЧИСЛО» В НІМЕЦЬКОМОВНИХ ПАРЕМІЯХ:
ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ**

Юлія БЕЛОЗЬОРОВА (Львів, Україна)

e-mail: funtova@yahoo.com

БЕЛОЗЬОРОВА Юлія. КОНЦЕПТ «ЧИСЛО» В НІМЕЦЬКОМОВНИХ ПАРЕМІЯХ: ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ

У статті розглядаються одиниці німецькомовного пареміофонду, до складу яких входять числівники. Акцент в аналізі робиться на числівники першого десятку, які є найбільш вживаними в німецькомовних пареміях. Пареміофонд певної культури якнайкраще віддзеркалює стереотипи та культурні норми народу, що формувалися в ньому впродовж багатьох років, тобто віддзеркалює його менталітет, його дух.

Ключові слова: мовна картина світу, фразеологічні одиниці, лінгвокультура, паремія, пареміофонд, числівник.

BYELOZYOROVA Yuliya. THE CONCEPT OF NUMBER IN THE GERMAN ADAGE UNITS: LINGUOCULTURAL ANALYSIS

The article deals with the adage units of the German language, incorporating the numerals. The focus is laid upon the numerals of the first dozen that are mostly found in the German adages. The language worldview is understood not as a mirror reflection, but as mapping where the anthropological factor is of a focal point: a human being perceives the objective world and interprets it subjectively. Thus, the active and not passive role of the human being in the creation of the language worldview is emphasized. The adage fund of a certain culture reflects most vividly the stereotypes and cultural norms of the people that were formed during long time, so it reflects its mentality, its spirit. Each number demonstrates in the German language worldview a certain meaning. Number "1" reflects primacy, craving for victory, desire to be the best. Number "3" symbolizes finality, fullness, completeness of something. Numbers "7" and "9" beside the seme of quantity, reflect the believes of the German people and are an essential part of the traditions and have a religious basement, that were developed during centuries.

Key words: language worldview, phraseological units, linguoculture, adage, adage fund, numeral.

Вивчення мовної картини світу (МКС) припускає, насамперед, аналіз номінативної діяльності людини, і, відповідно, одиниць лексичного рівня мови. Це більшою мірою сфера когнітивних досліджень. Однак деякі концепти, що входять до складу МКС, виходять у своєму вербальному вираженні за рамки слів, ідіом, словосполучень, відповідають фразам, реченням, текстам і виявляються вже в процесі функціонування мови, тобто в дискурсі. Тому когнітивні й дискурсивні дослідження в плані вивчення МКС доповнюють одне одне. Незважаючи на популярність МКС як об'єкта дослідження й неоднекратні спроби дати визначення цього терміна, навряд чи будь-яке з них можна вважати всебічним і остаточним. Одна із причин полягає в безлічі підходів до МКС (філософський, когнітивний, культурологічний, лінгвістичний тощо), і, відповідно, в акцентах, які розставляються в цих визначеннях. По-друге, на сьогодні немає єдності думок щодо понять, які є основними складовими МКС (концепт, фрейм, прототип) [1, с. 18].

МКС нерідко порівнюють із дзеркалом, у якому відбивається реальний світ. Однак розробка проблеми поступово наводить вчених на думку про те, що МКС скоріше нагадує не дзеркало, а автопортрет, який створює художник, дивлячись у дзеркало. Розуміння МКС не як дзеркального відбиття світу, а як картини знову фокусує увагу на антропофакторі: людина, сприймаючи об'єктивний світ, інтерпретує його суб'єктивно [3, с. 289]. Тим самим підкреслюється не пасивна, а активна роль людини у створенні МКС.

Звернемося до фрагментно-зіставного аналізу концепта «число» у німецькомовній та українськомовній картинах світу. Цей концепт найбільш яскраво реалізується у мовному фонді фразеологізмів та паремій, де розкривається його національна специфіка.

Порівнюючи фразеологізми із числівником "один", можна помітити, що група цих фразеологізмів найбільш широко представлена як у німецькій, так і в українській мовах. Значення знайдених фразеологізмів досить різноманітні: від нейтральних "mir ist alles eins",